

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. КИПАРСКИЙ

О СУДЬБЕ -ь- В СУФФИКСАХ -ьск И -ьство

Явления, связанные с вокализацией и выпадением праславянских глухих *ъ* и *ь*, в целом подчиняются закону, открытому в 1889 г. чешским ученым А. Гавликом; этот закон известен под его чешским названием «*jeřové pravidlo*». Однако уже давно замечено, что как в морфологии, так и в словообразовании в различных славянских языках встречается много отклонений от закона Гавлика; эти отклонения обычно объясняются аналогическими выравниваниями, ср., например, др.-русс. *рънѣтъ/рънѣту* → *рпот/рпнту* → русск. *рѣпот/рѣпота*¹.

В своей вышедшей недавно работе с новым интересным объяснением некоторых из этих отклонений выступил А. В. Исаченко². Основываясь на идеях своего учителя Н. С. Трубецкого, высказанных в 1934 г.³, А. В. Исаченко показывает, что закон Гавлика действовал в древнерусском языке только в течение сравнительно короткого периода — начиная от окончательной вокализации глухих в сильном положении, происшедшей в севернорусской области около 1200 г., и вплоть до конца XV в. Этот период А. В. Исаченко называет «*period of trial and error*», на его протяжении в текстах реально встречаются различные теоретически возможные комбинации, основывающиеся на законе Гавлика, — вроде уже упомянутого *рпот/рпнту* или, например, *мѣсть/мѣсти*, *дска/доск* и т. п. Около 1500 г. наступил, по А. В. Исаченко, период действия принципиально иных, не фонетически, а морфонематически обусловленных правил, которыми и объясняются многочисленные отклонения от закона Гавлика в современном русском языке. Главными из этих новых правил являются, по А. В. Исаченко, следующие два: 1) элиминирование так наз. «*multiple vowel/zero alternation*»⁴, вроде *рпот/рпнту*, *шеѣц/шеѣца*, *снем/соньма* и т. п., встречающихся в текстах XIV—XV вв.; 2) стабилизация развившегося из глухого *ъ*, *ь* гласного *о*, *е*, если последний оказывался на расстоянии более чем одного согласного от конца основы, например, *мѣсти*, *лѣсти*, *доска́* вместо ожидаемых по закону Гавлика *мѣсти*, *лѣсти*, *дска*, которые встречаются в текстах XIV—XV вв. Подробный разбор и критику предложенных А. В. Исаченко морфонематических правил я надеюсь дать в другой работе, здесь же обращусь лишь к судьбе глухих в праславянских суффиксах *-ьскъ* и *-ьство*, которым А. В. Исаченко уделяет в своей статье лишь несколько строк.

¹ Подробный анализ подобных отклонений в области морфологии русского языка дан в кн.: V. K i p a r s k y, Russische historische Grammatik, II, Heidelberg, 1967, стр. 114—129. Отклонения от закона Гавлика в области русского словообразования будут подробно рассмотрены в готовящемся к печати третьем томе этой работы.

² A. V. I s a č e n k o, East Slavic morphophonemics and the treatment of the Jers in Russian: a revision of Havlík's law, «International journal of Slavic linguistics and poetics», XIII, 1971.

³ N. S. T r u b e t z k o y, Das morphonologische System der russischen Sprache, TCLP, 5, 2, 1934.

⁴ В книге «Russische historische Grammatik» (II) я называю это же явление «*Stellungswechsel des vokalisiertes ь, ѣ*» (стр. 116).

Суффиксу *-ьskъ* посвящен небольшой раздел в неславистическом труде Н. Хомского и М. Халле⁵. Ссылаясь на неопубликованную работу молодого американского слависта Т. Лайтнера, Н. Хомский и М. Халле предлагают следующие формулы для определения развития праславянских гласных *ъ* и *ь*, которые они определяют как «nontense high vowels» (ненапряженные гласные верхнего подъема):

$$(134) \left[\begin{array}{c} + \text{voc} \\ - \text{cons} \\ - \text{tense} \\ + \text{high} \end{array} \right] \rightarrow \emptyset / - \left\{ C_1 \left[\begin{array}{c} \ddagger \\ + \text{voc} \\ - \text{cons} \\ \{ - \text{high} \} \\ + \text{tense} \end{array} \right] \right\}$$

$$(135) \left[\begin{array}{c} + \text{voc} \\ - \text{cons} \\ - \text{tense} \end{array} \right] \rightarrow [- \text{high}]$$

Формулы (134) и (135) читаются следующим образом: «ненапряженные гласные верхнего подъема уничтожаются в конце слова или если следующий за ними слог содержит гласный неверхнего подъема или напряженный гласный; в иных случаях они становятся гласными неверхнего подъема». При ближайшем рассмотрении эти формулы оказываются лишь парафразой закона Гавлика — при условии, что *ъ* и *ь* действительно были «ненапряженными гласными верхнего подъема»⁶.

Н. Хомский и М. Халле продолжают: «К исключениям из правила (134) относится суффикс */isk/*. Гласный этого суффикса не уничтожается согласно правилу, если основа, к которой присоединен суффикс, оканчивается на велярный или палатальный согласный, т. е. на согласный, который [— передний, — корональный]. В конечном результате велярные в этой позиции обычно реализуются как резкие палато-альвеолярные, так как велярные перед передними гласными подвергаются так называемой „первой палатализации“». При этом Н. Хомский и М. Халле, ссылаясь опять-таки на Т. Лайтнера, утверждают, что палатализации, считающиеся обычно «окаменевшими историческими процессами», в действительности все еще продуктивны в большинстве современных славянских языков⁷. Очевидно, Н. Хомский и М. Халле имеют здесь в виду не фонетическое изменение (нем. Lautwandel, англ. sound change), а чередование (нем. Lautwechsel, англ. alternation); это явствует из приводимых ими примеров: с одной стороны, *сибирский*, *римский*, *учительский*, с другой — *греческий*, *монашеский*, *мужеский*, в которых «гласный суффикса */isk/*», т. е. старый *ь*, не уничтожается по правилу (134). Однако, замечают Н. Хомский и М. Халле, «имеется дальнейший пласт исключений из только что упомянутых исключений, а именно формы, в которых суффикс */isk/* следует за непередним согласным, но в которых гласный суффикса уничтожается»; как примеры приводятся *мужской*, *волжский*, *чешский*. Для объяснения этих «исключений второй степени» Н. Хомский и М. Халле предлагают вспомогательную формулу:

$$(137) \left[\begin{array}{c} + \text{voc} \\ - \text{cons} \\ + \text{high} \\ - \text{back} \\ - \text{tense} \end{array} \right] \rightarrow - [\text{rule (134)}] / \left[\begin{array}{c} + \text{cons} \\ - \text{ant} \\ - D \end{array} \right] + - sk +$$

⁵ N. Chomsky, M. Halle, The sound pattern of English, New York, 1968, стр. 379—380.

⁶ Определение действительной фонетической значимости праславянских и даже древнерусских *ъ* и *ь* представляет значительные трудности, см.: V. Kiparsky, указ. соч., I, стр. 78 и 93.

⁷ N. Chomsky, M. Halle, указ. соч., стр. 420.

Формула (137) читается следующим образом: «гласный суффикса /isk/ не подвергается уничтожению по правилу (134), если основа, к которой присоединен суффикс, оканчивается на велярный или палатальный согласный, кроме тех случаев, в которых основа обозначена специальным диакритическим знаком [+D], который указывает, что это — исключение из дополнительного правила (137)⁸. Другими словами, Н. Хомский и М. Халле предлагают читателям при образовании прилагательных на -(е)ский, -(е)ской каждый раз справляться, не отмечена ли данная основа диакритическим знаком, т. е. образует ли она прилагательное на -еский или на -ский. Но такого справочника пока что нет.

К сожалению, Н. Хомскому и М. Халле, по-видимому, остались неизвестными статья Е. А. Земской⁹ и написанный ею же раздел «Изменения в системе словообразования прилагательных» в коллективном труде под ред. акад. В. В. Виноградова¹⁰, в которых подробно рассматривается роль беглых гласных в именных суффиксах, и между прочим в суффиксе -(е)ск-. Е. А. Земская рассматривает формы -еск-/-ск- как «варианты», имея, конечно, в виду полную идентичность значения таких слов, как *мужеский/мужской*, и считает, что беглые гласные «по своей функции в составе слова... близки интерфиксам. Их роль — чисто соединительная: препятствовать скоплению согласных на морфемном шве»¹¹. Е. А. Земская пишет: «за вариантом -еск- была закреплена ранее позиция после шипящих и заднеязычных (с соответствующими чередованиями): *пастушеский, вражеский, товарищеский, чиновнический*. Однако в той же позиции (преимущественно в образованиях от топонимов) встречалось и -ск-: *волжский, калужский, рижский, парижский, чешский*; без чередований (в образованиях от поздних заимствований): *петербургский* (в XIX в. отмечалось и *петербуржский*), *лейпцигский, нюрнбергский, хельсинский*¹². Широко употребляется вариант -ск- в образованиях от названий народностей: ср. *казахский, лакский, каракалпакский, кумыкский* и мн. др. Вариант -ск- (после заднеязычных и шипящих) проникает и в образования не от географических наименований (например, *герцогский, команчский*¹³, *мужской*). Таким образом, происходит расширение сферы действия -ск- за счет -еск-»¹⁴.

Разобрав так подробно распределение суффиксов -еск- и -ск- в современном русском языке, Е. А. Земская, к сожалению, не объясняет, почему «в той же позиции» встречалось как -еск-, так и -ск-, хотя, как она говорит, «за вариантом -еск- была закреплена ранее позиция после шипящих и заднеязычных». Н. Хомский и М. Халле также не дают объяснения возникновению этих вариантов. Здесь будет сделана попытка заполнить этот пробел и дать историческое объяснение параллелизма -еск-/-ск- в русском языке.

Как известно, праславянский суффикс -ьск- индоевропейского происхождения и фонетически точно соответствует германскому -isk-, литовскому -iškas-, латышскому -isks и, вероятно, фракийскому суффиксу, сохра-

⁸ Там же, стр. 380.

⁹ Е. А. Земская, Интерфиксация в современном русском словообразовании, сб. «Развитие грамматики и лексики современного русского языка», М., 1964.

¹⁰ «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века», М., 1964.

¹¹ Е. А. Земская, Интерфиксация ..., стр. 59.

¹² Нормально: *хельсинкский*. Здесь, должно быть, опечатка.

¹³ Непонятно, почему как пример взято это чрезвычайно редкое название индейского племени. В качестве примера сочетания -чский можно привести засвидетельствованное в 1782 г. *палачский* (позднее *палаческий*).

¹⁴ Е. А. Земская, Интерфиксация ..., стр. 59—60.

нившемуся в румынском *-escu*¹⁵. Высказанное некогда К. Бругманом и А. Мейе предположение, что славянский и балтийский суффиксы заимствованы из германского¹⁶, совершенно не обосновано¹⁷. В праславянском языке суффикс **-ьskъ* был одним из наиболее продуктивных в отыменном словообразовании имен прилагательных и мог, по-видимому, присоединяться к любым основам¹⁸. Если эти основы оканчивались на задненебный согласный, то происходила 1-я палатализация, например:

ст.-слав. *богъ/божьскъ*, др.-русс. *божьскыи*, русск. *божеский*, болг. *божески*, польск. *boski*, чеш. *božský*;

ст.-слав. *грѣхъ/грѣхъскъ*, др.-русс. *греческыи*, русск. *греческий*, *грецкий*, ср.-хорв. *грчки*, болг. *грѣчки*, польск. *grecki*, чеш. *řecký* (*<hřečský*);

ст.-слав. *чловѣкъ/чловѣчьскъ*, др.-русс. *человѣчьскыи*, русск. *человеческий*, ср.-хорв. *човечки*, болг. *човешки*, чеш. *člověcký*, верхнелуж. *čłowieski*;

праслав **mъnichъ* (*<* ст.-в.-нем. *munih*), др.-русс. *мнишьскыи*, польск. *mniski*, чеш. *mníšský*.

Чередование *к : ч*, *г : ж*, *х : ш*, вызванное 1-й палатализацией, было довольно долго живым в русском языке: в IX в. было образовано *варяжский* от *варяг*, в X—XI вв. *печеньжскыи* от *печеньгъ*, *ляшский* от *ляхъ*; от названия основанного в 1203 г. города Риги образуется в 1229 г. *ризкий* (*< *рижьскыи*)¹⁹. К началу XVIII в. это чередование перед суффиксом *-ск-* очевидно, уже отмирает (см. приведенные выше отдельные случаи употребления прилагательного *петербургский*), что Земская объясняет «ростом агглютинативности, т. е. свободного „приклеивания“ морфем друг к другу без изменения при этом их звукового состава»²⁰. 1-я палатализация и вызванные ею чередования *к : ч* наблюдаются и в тех случаях, когда суффикс *-ьskъ* присоединяется к основам, уже расширенным суффиксом *-ьць* или *-ица*, а также суффиксами *-ик-*, *-ык-*, *-ак-*, *-як-*, *-ок-*, *-ук-*, *-юк-* (последние очень редки), например: ст.-слав. *чръньць/чръньчьскъ*, ст.-слав. *дѣвица/дѣвичьскъ*, ст.-слав. *мѣченикъ/мѣченичьскъ*, ст.-слав. *Азыкъ/Азычьскъ*, др.-русс. *новакъ/новачьскыи*. Суффиксальных образований на *-оськъ*, *-учьскъ* ни для старославянского, ни для древнерусского я не смог отметить, но, по всей вероятности, они были бы образованы именно так, ср. *пророчьскъ*, *иночьскъ*, где *-ок-* принадлежит основе.

Дальнейшее развитие прилагательных на *-ьsk-* шло по закону Гавлика. Формы им. падежа ед. числа муж. рода и род. падежа мн. числа всех родов *отчьскъ*, *дѣвичьскъ*, *язычьскъ*, *мученичьскъ*, *новачьскъ* должны были дать *отческ*, *дѣвическ*, *языческ*, *мученическ*, *новаческ*, а все остальные падежные формы — *отческа* (*-ску*, *-скы* и т. д.), *дѣвичску*, *язычка*, *мученичка*, *новачка* и т. д. Так как форм последнего типа было значительно больше, следовало бы ожидать их преобладание, что действительно и находим в большинстве других славянских языков — поскольку там вообще представлены такие формы, ср. чеш. *otecký*, *mučednický*. В русском и, как мы увидим, в болгар-

¹⁵ Ср., например: A. I. R o s s e t t i, *Istoria limbii române*, II — *Limbile balcanice*, Bucureșt, 1943, стр. 60—61.

¹⁶ К. B r u g m a n n, B. D e l b r ü c k, *Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*, Straßburg, 1897—1916, II, 1, стр. 501—502; A. M e i l l e t, *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, Paris, 1902—1905, стр. 332.

¹⁷ Ср., например: J. E n d z e l i n, *Lettische Grammatik*, Riga, 1922, § 190.

¹⁸ Ср.: Ж. Ж. В а р б о т, *Древнерусское именное словообразование*, М., 1969, стр. 159.

¹⁹ См.: «Смоленские грамоты XIII—XIV веков», под ред. Р. И. Аванесова, М., 1963, стр. 20.

²⁰ Е. А. З е м с к а я, *Изменения в системе словообразования прилагательных*, стр. 298.

ском в целом возобладал вариант на -чesk-; в нескольких случаях имеются параллельные формы с разными значениями (*царедворческий/дворецкий, богоборческий/Борецкий*); довольно многочисленны стилистически различаемые варианты, причем вариант на -цкий обычно имеет оттенок вульгарности, например, *кулачesкий/кулацкий, батрачesкий/батрацкий, полковнический/полковницкий, чиновнический/чиновницкий* и др.²¹ Подобный параллелизм, вызванный следствиями закона Гавлика, следовало бы ожидать также в суффиксах -ж(e)ский и -ш(e)ский, однако Е. А. Земская приводит всего два примера, и те из говоров²², а мне известны лишь варианты *му-жеский/мужской*.

Почему же в суффиксе -ьск- после возникших по 1-й палатализации шипящих в литературном русском языке возобладала вокализация -ь-?

Не соответствующая закону Гавлика вокализация -ь- в суффиксе -ьск- известна лишь русскому и болгарскому и другим славянским языкам не свойственна даже в том случае, когда в них представлены соответствующие прилагательные на -ьск-. Ср.: польск. *boski, męski, towarzyski, mniski*, чеш. *božský, mužský, tovaryšský, pastušský, soudružský, člověčí, mnišský*, верхнелуж. *čłowjeski*, ср.-хорв. *мушки, монашки*, болг. *мъжки, бело-руск. манашки* и др. Только в современном болгарском русским прилагательным *божеский, вражеский, девический, дружеский, княжеский, монашеский, монаршеский, супружеский, языческий* соответствуют *божески, вражески, девически, дружески, княжески, монашески, монаршески, супружески, езически*, а русским формам без вокализации -ь- *волошский, грецкий, мужской* соответствуют *влашки, гръцки, мъжки*, также без вокализации.

Эти сопоставления позволяют предположить, что причина «незаконной» вокализации -ь- в суффиксе -ьск- должна быть общей для русского и болгарского, но не известна другим славянским языкам. Таким общим фактором, не известным, во всяком случае в полной мере, другим славянским языкам, является влияние церковнославянского, т. е. старо- и среднеболгарского языка. Известно, что в русском литературном языке имеется целый ряд слов, где влияние церковного произношения вызвало вокализацию ѣ или ъ, которые по закону Гавлика должны были выпасть. Так, др.-русс. *свѣтъ* дало вместо ожидаемого **свет* современное *совет*, др.-русс. *сѣюзъ* вместо ожидаемого **сѣюз* — современное *союз*, др.-русс. *възлюбити* дало нормально *взлюбить* и в церковном произношении *возлюбить* (своего ближнего) и т. п.

Еще А. А. Шахматов правильно указал на то, что здесь главную роль играло произношение эмигрантов-болгар XV в., которые произносили каждый ѣ, вероятно, как [л] и которым стали подражать русские священники²³. По-видимому, и в суффиксах -чьск-, -жьск-, -шьск-, -цъск-, -ѣ- произносилось этими болгарскими священниками как [л] или [ə] и образовывало слог. Русские священники стали произносить в этих суффиксах как бы неударяемое е, что постепенно отразилось на письме, где старый ѣ стал заменяться новым е, подобно тому как в словах *свѣтъ*, *възлюби* и т. д. ѣ, произносившийся как [л], стал заменяться на письме буквой о. То, что возникшие таким образом «варианты» -еск- сравнительно недавнего происхождения, доказывается тем, что Котошихин, язык которого близок к деловому языку Московской Руси, употребляет наряду с чисто русской

²¹ Подробный перечень появлявшихся в XIX в. подобных вариантов, из которых, однако, многие не укоренились в литературном языке, см.: Е. А. Земская, Изменения в системе ..., стр. 303—304.

²² Е. А. Земская, Интерфиксация ..., стр. 60.

²³ А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, § 395.

формой *мужской* (11 раз) и «церковную» *мужеский* (3 раза) (по данным А. Пеннингтон). В XVIII—XIX вв. форма *мужеский* начинает определенно преобладать и только с начала XX в. постепенно уступает место форме *мужской*, которая полностью ее вытесняет лишь после Октябрьской революции. Понятно, что вокализация развилась почти исключительно в словах так называемого «высокого штиля» или просто церковнославянских, таких, как *вражеский*, *монашеский*, *супружеский*, *языческий*, *божеский* и т. п. Прилагательные, образованные от названий географических или названий народностей, вероятно, не произносились «по церковному» (например, *варяжский*, *печенѣжскыи*, *ляшский*, *волжский*, *рижский*), там же, где они имели значение для церкви, образовывались «варианты», например, *греческий/грецкий*. Когда слово выходило из ежедневного конкретного употребления и оставалось только в так называемом «высоком штиле», в нем могла произойти замена *-ск-* на *-еск-*, как, например, современное *палаческий* «как у палача», которое еще в 1782 г. писалось (и, вероятно, произносилось) как *палачский* и выступало в значении «принадлежащий палачу».

Но если вокализация *-ь-* была вызвана причинами стилистическими и влиянием произношения нерусских священников, то почему она ограничилась позицией после заднеязычных и шипящих? Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в суффиксе *-ьство* в русском и болгарском языках вокализация *-ь-* происходила почти без исключения после заднеязычных и шипящих, в то время как в других славянских языках ее вообще не было, ср. *мужество*, болг. *мъжество* (польск. *męstwo*, чеш. *mužstvo*), *содружество* (чеш. *soudružství*), *товарищество* (чеш. *tovaryšstvo*, *tovaryšství*), *тож(д)ество*, болг. *тъждество*, *существо*, болг. *същество* и мн. др. Совр. русск. *скотоложество* и *мужеложество* писались еще в XIX в. как *скотоложество*, *мужеложество*. Уже тот факт, что все эти слова, очевидно, происхождения церковного, делает вероятным, что именно в церковнославянском господствовало правило вокализации *-ь-* между спирами, точнее между шипящим и *-с-*. П. Кипарский сравнил это явление с известным правилом образования множественного числа существительных в современном английском языке: если основа оканчивается на [ʃ], [z], [č], [ž], [s], то нормальное окончание [s] или [z] заменяется окончанием [ɪz], например, *fishes*, *roses*, *churches*, *hedges*, *asses*²⁴.

Таким образом, причина «незаконной» вокализации *-ь-* в суффиксах *-ьск-* и *-ьство* в конце концов все же фонетическая, но ее следует искать не в русской, а в церковнославянской (среднеболгарской) фонетике. Можно согласиться до известной степени с Е. А. Земской, которая относительно современного русского языка говорит, что роль беглого *е* «чисто соединительная: препятствовать скоплению согласных на морфемном шве».

²⁴ «First Scandinavian summer school of linguistics, July — August 1969».